

18+

Сергей Замятин

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Сергей Замятин

Другая планета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24861323

ISBN 9785448543036

Аннотация

Эта книга о наивности, искренности, настоящей дружбе и, конечно же, любви. В самом чистом и бескорыстном понимании этого слова. Она перенесёт вас на далёкую планету под названием Детство, где каждый взрослый однажды уже побывал. Однако почему-то всеми силами стремился её покинуть и навсегда отправиться в открытый космос, безжалостно выбросив из своей памяти, словно пустой конфетный фантик, факт её существования. И всё же втайне всегда мечтал когда-нибудь вернуться на неё снова.

Содержание

Предисловие автора	5
Пьяная вишня	7
Пролог	7
Вероничка	10
Мечь Кабана	22
Женька	33
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Другая планета

Сергей Замятин

Иллюстратор Анна Уфимцева

Редактор И. Н. Карпова

Корректор Алина Пожарская

© Сергей Замятин, 2024

© Анна Уфимцева, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4485-4303-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Дорогой друг! Да, именно «друг», и это не пафос. Ведь только близким людям доверяют самое сокровенное и ценное, что есть в жизни. Будь то интимная тайна или пинкод банковской карты. А поскольку я, пускай чуть-чуть, но всё же приоткрываю перед тобой занавес своих чувств и мыслей, иначе как близкими друзьями нас и назвать нельзя. Так вот, мой друг, ты держишь перед собой хоть и совсем небольшую, но очень дорогую моему сердцу книгу под названием «Другая планета». Да простят меня уважаемые любители фантастики и фэнтэзи, но несмотря на название, она вовсе не о космических баталиях, героях-попаданцах, инопланетных захватчиках или параллельных вселенных. Хотя нет, слово «вселенная» здесь как раз уместно, поскольку эта книга – о детстве. Точнее, о детской наивности, искренности, настоящей дружбе и, конечно же, любви. В самом чистом и бескорыстном понимании этого слова.

Почему же эта книга так дорога мне? Да просто потому, что в ней собраны истории, некоторые события из которых действительно имели место в моей жизни. Но предупреждаю: не стоит даже пытаться разобраться, где, подобно пасхальным яйцам, в тексте сокрыты факты моей биографии, а где вымысел. Равно как и нет смысла проводить аналогию между реально существующими людьми и героями

моих произведений. Даже если совпадения кажутся весьма явными, всё это по большей части лишь игра моего воображения, не более того.

Итак, мой друг, я предлагаю тебе ненадолго побыть своеобразным космонавтом и путешественником во времени. Потому что сейчас тебе предстоит перенестись из окружающей действительности и текущей календарной даты на много лет назад, на совершенно другую, очень далёкую планету под названием Детство, где каждый взрослый человек однажды уже побывал. Однако, почему-то всеми силами стремился её покинуть и навсегда отправиться в открытый космос, безжалостно выбросив из своей памяти, словно пустой конфетный фантик, факт её существования. И всё же втайне всегда мечтал когда-нибудь вернуться на неё снова.

Так за чем же дело стало? Если ты, мой рискованный друг, готов к приключениям, то наше путешествие начинается прямо сейчас. Пожалуйста, проверь, пристёгнуты ли ремни безопасности и все ли системы нашего корабля работают отлично. Всё готово? Тогда остаётся лишь махнуть на прощанье рукой, улыбнуться и сказать:

– Поехали!

Сергей Замятин

Пьяная вишня

Пролог

Не люблю я предновогоднюю суету. Ходишь по магазинам, точно по длинному бесконечному лабиринту с этими бессмысленными сувенирами и озабоченными лицами таких же, как и ты, потерянных покупателей, жаждущих приобрести какую-нибудь безделушку. Всё надеешься, что случится некое чудо, и ты найдёшь среди этой мишуры, разноцветных стекляшек и огоньков то, что тебе непременно нужно купить. В таких случаях я всегда делаю так, как меня учил в детстве отец: касаюсь левой стены и иду, не отнимая руки, пока не встречу взглядом с главным стражем-минотавром этого лабиринта – кассиршей. Она всегда смотрит на меня с некоторым презрением, ведь обычно моя корзина для покупок пуста. Но только не сегодня. Не глядя на полки, я сметаю всё подряд, забывшись на несколько мгновений.

(первой в ладони случайно оказывается упаковка небьющихся ёлочных шариков)

Я откровенно пялюсь на женщину у противоположного стеллажа с новогодними украшениями. Крепко зажмуриваю глаза и снова открываю. Она выбирает цветную мишуру.

(неужели мне...)

Нет, не чудится. Это моя бывшая классная руководительница – Вероника Дамировна.

(в корзину с ускорением летит пластмассовый дед мороз)

Её когда-то шикарные каштановые волосы сейчас торчат из-под шапки, словно изрядно потасканная и выцветшая пакля.

(горсть хлопюшек сыплется следом)

Одета она неброско и как-то по-старушечьи, что ли. Поверх куцега пуховичка – нелепая шаль. Сапоги из кожзама давно поистёрлись и просят замены.

(гирлянда из серебристых звёздочек прошуришала мимо)

Боже, кто же тот художник, что безжалостно стёр с её лица ярко-алый румянец и улыбку, от которой в груди у меня что-то громко и часто когда-то начинало биться?! Чем она так провинилась перед ним?

(ватага символов этого года – игрушечных змей с пришитыми к хвостам шоколадными монетками – обрушилась в корзину)

Следующий на очереди – ёлочный дождь. Она поворачивается ко мне,

(как же она постарела!)

наши взгляды на какое-то мгновение пересекаются. Конечно же, она не узнала меня, ведь с тех пор, как я видел её последний раз, прошло почти 30 лет. Однако и она уже далеко не та красавица, чей облик навсегда отпечатался в моей памяти с тех пор, когда я был ещё наивным и глупым маль-

чишкой. В ней изменилось почти всё. Но главное – глаза. Они тусклые и грустные, какие-то стеклянные и неживые. Мне стало жаль её, захотелось тепло обнять и поговорить с ней по душам, признаться, как по-детски был в неё влюблен когда-то. Но почему-то я так и не решился. Впрочем, как и в далёком 1989 году...

Вероничка

– Серый, ну ты чо там так долго?

– Тише, не ори, а то спалишь меня.

– Да Кабан давно уже ушёл, выходи. Я видел, как он на улицу выбежал. Пошли в класс, а то Вероничка ругаться будет, да ещё «Феликс» прижжёт.

– Ладно, выхожу уже.

Я тихонько приоткрыл дверь и выглянул. Санька стоял напротив, глазами косясь вправо. Сообразить я ничего не успел. Кто-то с силой рванул дверь, и я от неожиданности вылетел из туалета, угодив Саньке головой прямо в живот. От резкой боли он согнулся пополам и, шумно выдохнув, повалился на спину, чудом не ударившись затылком о кафельный пол. Я же больно шмякнулся животом, раскинув руки, будто в полёте. Не дав мне ни секунды, чтобы сообразить, в чём дело, Кабан схватил меня за ноги и потащил обратно к туалету. Я сопротивлялся, как мог, пытаюсь зацепиться короткими ногтями за скользкий и холодный кафель, но безуспешно. Крепкие руки Кабана тащили меня прямоком к толчку. Я, конечно же, истошно орал, но всё это было бесполезно. Туалет был в конце коридора, и мои крики вряд ли кто-нибудь из учителей смог бы услышать. Наконец, Кабан бросил мои ноги и, схватив за шиворот, развернул к унитазу. Вонь была непередаваемая. Я упёрся руками в ос-

нование толчка, боясь даже подумать о том, что он сейчас со мной сделает. Даже на секунду представил его ухмыляющуюся, щедро осыпанную веснушками рожу, наблюдающую, как моя голова ныряет в унитаз. В общем, не знаю, чем бы всё это закончилось, если бы, вдруг, не раздался мелодичный, с властными нотками, голос Вероники Дамировны.

– Кабановский! Алексей! Это что такое! Ну-ка, отпусти его и марш к директору, быстро!

– Ладно, я потом с тобой разберусь, – прошипел Кабан.

Я с облегчением почувствовал, как рука, сжимающая ворот пиджака моей формы, с явной неохотой куда-то исчезла. И Кабан, скорчив гримасу невинного ребёнка, засеменил к кабинету директрисы. По-прежнему находясь на карачках, я медленно развернулся. Перед моим носом возникли чёрные туфли Веронички, похожие на индейские пирóги, которые я видел на рисунках в книжке про Зверобоя. Никогда ещё мне не приходилось так близко перед собой видеть её ноги. Они были красивые, несмотря на то, что их скрывали чёрные чулки и такого же цвета юбка ниже колена. Стесняясь поднять голову и встретиться взглядом с Вероникой Дамировой, я опустил глаза в пол и густо покраснел.

– Серёжа, с тобой всё в порядке? – мягко спросила она.

Я кивнул.

– Ну, тогда умойся и беги на литературу. А то сейчас звонок прозвенит. Евгений Александрович не любит, когда на его уроки опаздывают. А после урока я буду ждать тебя у директора. Хорошо?

Я снова кивнул. Просто не мог ничего сказать. Будто ком в горле застрял.

Туфли развернулись на 180 градусов и исчезли из виду. В голове осталось только ускользящее эхо цокающих по кафелю каблучков Веронички. Я поднялся, когда этот звук окончательно исчез из моих ушей. Саньки и след давно простыл. Тоже мне друг! Я хотел было запереть дверь (вдруг Кабан вернётся), но в это время прозвенел звонок. В панике, едва успев смочить руки, я пулей выскочил из туалета и побежал на второй этаж. Чуть не врезавшись на повороте в стену, влетел в кабинет литературы и тотчас был остановлен крепкой сухой ладонью учителя. Всё-таки опоздал!

– Ты чего, окурок, несёшься? Урок уже идёт!

Я молча опустил голову.

– Садись на место и руки на стол, – скомандовал он.

Пришлось сделать, как он велел. В классе стояла мёртвая тишина. Все ребята, притаившись, следили за движениями Евгения Александровича. Но мне и так было понятно, что сейчас появится «Железный Феликс». Я закрыл глаза, чтобы не видеть его, и сморщил лицо в ожидании удара. Сначала что-то стукнуло, потом просвистело в воздухе и обожгло мои

пальцы точно, как в деревне у бабушки, когда я по дурости сунул руку в костер. Я не закричал. Крикнешь – будет только хуже. Это все знают. Только прикусил язык от боли. Слёзы так и наворачивались на глаза, но Евгений Александрович терпеть не мог, когда плачут, и сердить его ещё больше мне точно не хотелось. Да и перед пацанами в классе было бы стыдно. Так что я стерпел. Мне уже было не впервой.

– Ну что, прижгло?

Слова учителя были как в тумане. Я кивнул. Самые смелые из нас могли позволить себе сказать «нет». И тогда получали ещё. Зато потом всем хвастались, что «Железный Феликс» их с первого раза не пронял. Но я не такой смелый, к сожалению.

Урок прошёл вполне обычно. Мы читали басни Крылова. Потом сидели просто так, потому что Евгений Александрович молчал и корчился от боли. В такие минуты мы знали, что нужно вести себя тихо. И мы вели себя тихо. Приступы у него были часто. Он говорил нам, что это всё от частого курения. И нам наказывал, чтобы мы не курили. Но все в классе знали, что он в Афгане был в плену, бежал, подорвался на mine и с тех пор её осколки не давали ему спокойно жить. Особенно при перемене погоды. Нам, мальчишкам, он нравился, несмотря на то, что бил нас нещадно за любую провинность. Девчонок, кстати, никогда не трогал. Возможно, мы его даже любили, хоть и не показывали вида. Спустя два года, когда я уже перешёл в другую школу, случайно

узнал, что его в парке зарезали какие-то забулдыги. Попросили у него пять рублей, а он им не дал. Я помню, что сбежал с урока тогда и ревел в туалете как девчонка.

После литературы я поплёлся к директрисе. Робко приоткрыл дверь и заглянул в приёмную. Комнатка была узкая и тесная. Почему-то пахло котлетами. Секретарша – суховатая, неопрятная женщина, похожая на дворника дядю Толю – сидела за столом и печатала что-то на пишущей машинке. Напротив неё сидела Вероника Дамировна и что-то оживлённо рассказывала. Суть я уловить не успел, потому что секретарша резко прекратила стучать, а Вероничка – говорить. Они обе смотрели на меня и молчали.

– Можно войти? – робко спросил я.

– Заходи, Серёжа.

От ласкового голоса Вероники Дамировны у меня защекотало где-то в груди. Я тихонько вошёл и встал возле неё как вкопанный, не зная, куда деть глаза.

– Валентина Артемьевна сейчас освободится, и мы зайдём, – продолжила Вероничка.

Я посмотрел вглубь малюсенького разреза её алой блузки и почувствовал, как мои щёки тоже стали алеть. Но тут, слава богу, появилась директриса и пригласила нас в кабинет.

В общем, рассказывать тут особо нечего. Подпрашивали они меня немного и отпустили. Я, конечно, сказал, что сам виноват. Что обозвал Кабана «кабаном», а он, естественно, рассердился. И что наказать меня он хотел вполне за-

служенно. Только по лицам директрисы и Вероники понял, что они мне не поверили. Ну и ладно! Всё равно Кабан меня в покое не оставит. Ведь как чувствовал, что нужно было молчать в тряпочку. А я, дурак, перед пацанами похвастался, что не боюсь его. Кто же мог знать, что он в это время стоял у меня за спиной и всё слышал.

Я с опаской вышел из школы. Уже вечерело, и двор был пуст. Уроки кончились и все, наверное, давно уже разошлись домой. Или убежали на корт играть в ляпы. Всё-таки предпоследний день перед каникулами! Свернув за угол и перекинув ранец за спину, я опрометью кинулся к воротам, в надежде уйти незамеченным. Не тут-то было! Оказалось, Кабан поджидал меня в кустах поблизости. Он выскочил, когда я пробежал мимо и бросил свой портфель мне под ноги. Я запнулся за него и упал, расшиб до крови бровь об асфальт и поцарапал щеку. Ранец вылетел у меня из рук и, совершив несколько пируэтов в воздухе, упал за бордюр школьного палисадника. Не успев встать, я спиной почувствовал тяжёлоющую лапу Кабана. И почему в такие моменты, как назло, никого нет поблизости!

– Далеко собрался, вонючка?

– Отвали ты, я ничего директрисе про тебя не ска...

(неожиданно перехватило дыхание)

...зал.

Кровь из рассечённой брови капала на асфальт.

– Мне по фиг, сказал ты или нет. Моих родителей из-за

тебя в школу вызвали!

(глухой удар мне по почкам)

Я скорчился от боли и стиснул зубы так, что они заскрипели.

Наверное, здесь нужно сделать небольшое отступление и сказать, что для Кабана – ученика 6 «А» класса, известного второгодника и драчуна – вызов родителей в школу было нечастым делом, несмотря на то, что он держал в страхе все начальные и 5—6 классы. Просто все молчат в тряпочку, потому что боятся. Но только не самого Кабана, хотя он по понятным причинам был гораздо крупнее своих одноклассников, а его старшего брата-боксёра, девятиклассника, который по первому зову появлялся и показывал несколько приёмов на том, кого указывал братец. Мне по счастливой случайности пока не доводилось на себе испытать его гнев. Зато я знал, что будет с самим Кабаном, если его отца вызовут в школу. Бывший десантник воспринимал лишь единственное доступное для него средство воспитания – язык кулаков. Поэтому Кабан частенько приходил в школу с синяками. Не трудно догадаться, что после вызова к директору разговор с отцом у него будет не самым дружественным.

– Проси прощения, говновоз, а не то будешь жрать землю, – с этими словами Кабан снял свою тяжёлую ногу с моей спины и наступил своим грязным кедом мне на шею, ещё крепче пригвоздив к пыльному асфальту. – Ну! Не слышу!

– Слушай, если не веришь, спроси у Веронички. Она... – с трудом начал я, повернув голову вправо, чтобы сплюнуть порозовевшую слюну, и тут же получил ещё один удар кулаком в ухо. В голове зазвенело, и я на несколько секунд даже оглох, но по-прежнему не осмеливался поднять голову.

– Чо ты заладил! Вероничка да Вероничка... Да я знаешь, что с твоей Вероничкой делал? Чики-чики! Понял?

Кабан заржал, согнувшись пополам от хохота, на несколько секунд ослабив хватку своей кроссовки. По-прежнему не знаю, что тогда со мной произошло, но я вдруг так разозлился, что напрочь забыл про страх и боль. Не помню, было ли такое со мной раньше. Ну да, я злился, конечно, с кем не бывает, но чтобы так сильно, как в тот момент... В общем, резко выкатившись из-под ноги Кабана, так что тот потерял равновесие, чуть не свалившись на землю, я вскочил и... не смог убежать. Что-то меня удержало. И это что-то испугало даже самого Кабана, который оторопело таранился на меня, перестав издавать хрюкающие звуки, отдалённо напоминающие хохот. Наверняка Кабан ожидал увидеть мой трусливо убегающий затылок, но вместо этого, возможно впервые, увидел решимость ему противостоять, явно написанную на моём лице.

– Ты чего, придурок, только попробуй, я всё брату скажу. Будешь месяц кровью ссыкать! Вали давай, пока цел!

Но я уже ничего не слышал. Ухо горело как в огне, лицо – смесь из грязи и крови, по-прежнему сочащейся из рассе-

чѐнной брови и глубокого пореза на щеке – не выражало никаких эмоций, кроме злости и обиды. В голове пульсировало
(*даязнаеешьтоствоейвероничкойделал...*)

и ещё, наперекор ему, воробьиное

(*чикичикичикичикичикичикичикичики...*)

на нашем пацанском жаргоне означающее сами знаете что.

– Ты всё врѐшь! Врѐшь! ВРѐЁЁЁЁЁЁЁШЬ! – кричал я и слепо шѐл на Кабана с поднятыми кулаками.

И Кабан попятился. В этот момент он показался мне каким-то жалким и вовсе не страшным. И чего только его все боятся? Жирный и неповоротливый мешок говна. И братец его мне не страшен. Подумаешь, боксѐр, блин. Да я всю семью их

(*чикичики*)

уделаю.

Кабан упѐрся спиной в здание школы и закрыл лицо в ожидании удара. И я действительно замахнулся, сделав вид, что буду его бить рукой. Но на самом же деле со всего размаха пнул ему прямо в пах. Ноги Кабана подогнулись, изо рта тонкой стрункой пошла слюна, и с глухим стоном его жирное тело повалилось на асфальт, всё ещё пытаясь защитить руками то, что следовало защищать до моего удара. Но злость моя не улетучилась так же быстро, как и появилась. Я остервенело продолжал пинать Кабана, не разбирая куда попадаю – в голову, в живот ли. Он, свернувшись клуб-

ком, верещал как резаный откуда-то из центра этого месива, успевая сыпать угрозами и матерками в мой адрес. В общем, не знаю, чем бы всё закончилось, если бы из-за угла не появился дядя Толя с метлой. Он погнался за мной, хотя жертвой этого случая был вовсе не Кабан. Только тогда я очнулся. И, не забыв подхватить свой ранец, сломя голову помчался домой, всю дорогу оглядываясь, нет ли погони.

Жил я недалеко от школы, всего в трёх кварталах. Перед домом, на углу, умылся на колонке и отряхнул форму. Родителям, конечно, соврал, мол, играл в ляпы на корте и упал с «лесенок». Мама меня поругала немного, обработала перекисью раны, потом вкусно накормила и заставила помыться в бане. А потом одежду мою выстирала. Добрая она у меня. Отец мне ничего не сказал. Только дал подзатыльник и уткнулся в «Труд». Мы вообще редко разговаривали, особенно после того, как я на прошлой неделе испортил его любимую электробритву, доставшуюся ему после смерти моего деда. Кто же мог знать, что разобрать её оказалось гораздо проще, чем собрать обратно. Хотя он тоже отходчивый. И иногда даже добрый. Как мама.

Ночью я никак не мог уснуть. Всё думал о том, что будет. Наверняка брат Кабана меня убьёт. Вот если бы договориться с ним, чтобы он сделал это после летних каникул, а не завтра. Просто предки мне поездку в пионерлагерь обещали. А я ни разу в лагерь ещё не ездил. Вот, блин, незадача! Короче, какая только ерунда в голову не лезла. Единствен-

ное, что, наверное, не пришло мне на ум, так это раскаяние в совершённом на школьном дворе поступке. Ну, в смысле, о том, что я напинал Кабану. И честь Веронички защитил. Эх, вот бы она узнала!

С этими мыслями я, наконец, погрузился в сон, совсем не подозревая о том, что приключения мои только начинаются.

Месть Кабана

На следующий день я с неохотой пошёл в школу. Не то чтобы боялся последствий вчерашней махлы, но всё равно было как-то не по себе. К тому же понимал, что Кабан будет мне мстить. Это его излюбленное занятие!

Всю дорогу я обдумывал различные варианты дальнейшего развития событий, вплоть до того, чтобы прогулять уроки
(всё равно последний день)

и отправиться на реку или в городской парк. Но только всё это было бесполезно, потому что в итоге
(на свой страх и риск)

в школу я всё-таки решил идти и, проведя там полдня как на иголках, так с Кабаном и не встретился. Правду говорят: «страх смерти – хуже самой смерти». Мой сосед по парте и так называемый друг – Санька – все уроки пытался у меня выведать, чем вчера всё закончилось, и не от Кабана ли я заработал такое разукрашенное лицо. Но я с ним разговаривать не стал, обиделся. Остальные одноклассники, конечно, тоже спрашивали, откуда у меня ссадина на щеке и почему рассечена бровь, но я только отмахивался – мол, упал, да и всё. Так что уже через пару часов обо мне все благополучно забыли.

Последний урок был мой любимый – история. Но обожал я этот предмет не потому, что он мне нравился, а потому,

что вела его наша классная – Вероничка. Может быть, именно поэтому я до боли в глазах каждый вечер читал учебник. Тогда мне казалось, если буду знать её предмет – она меня заметит. Ну или хотя бы похвалит. А лучше всего – поцелует в лоб. О, это был бы верх блаженства! Но она не велась на все мои уловки и тупо ставила мне пятёрки в журнал. Глупая что ли! Как будто нужны они мне сто лет, эти пятерки!

Перед началом урока, как я ни пытался увильнуть от её глаз, она всё же заметила меня и попросила подойти.

– Серёжа, что у тебя с лицом? – озабоченно спросила она.

Я хотел сначала брякнуть, мол, играл вчера с ребятами в ляпы на «лесенках» и упал, но вовремя осёкся. Играть на «лесенках» было запрещено. Уже столько раз нас гоняли оттуда, грозились вызвать в школу родителей. Только мы с пацанами всё равно втихаря ходили. Так что я просто сказал, что неудачно оступился. Не знаю, поверила ли она мне или нет, но брови у неё были нахмуренные. Похоже, что нет.

– Сходи в медпункт, пожалуйста, и будь впредь осторожнее.

– Хорошо, Вероника Дамировна.

– А это случайно не Кабановский так постарался? Говори правду, – не унималась она.

– Какой Кабановский! Вы чо! Я же вам сказал, что упал. Не верите, что ли?

– Да нет, верю, Серёжа, верю. Ты, если что... ну, если он снова начнёт к тебе приставать, сразу мне говори. Хорошо?

Не бойся!

– А я и не боюсь! Вот ещё чего выдумали! И, ваще, сказано же, Кабан тут ни при чём. Совсем это не он, я сам упал.

– Хорошо, я тебя поняла, садись на место, сейчас урок начнётся.

И я сел на место. И всё думал, как бы мне ей всё-таки сказать правду. Не по-пацански это, конечно, но уж больно мне хотелось, чтобы она меня похвалила.

После урока Вероника Дамировна собрала нас на классный час и объявила годовые оценки. У меня оказалась лишь одна четвёрка по русскому. Да и ладно, лишний раз встретиться с Евгением Александровичем и его «Железным Феликсом» я не хотел. Так что пускай будет четвёрка. Не думаю, что предки за это ругать будут. К тому же у меня с ними был договор закончить год без троек. Так что свою часть уговора я выполнил на 100%. Теперь их часть сделки – поездка в пионерлагерь.

Когда классный час закончился, все с визгом побежали на улицу.

– Ура! Каникулы! – то и дело раздавалось в полупустых коридорах школы.

Только одному мне было нерадостно. Ведь целых три месяца не увижу Вероничку! И я решил рассказать ей всё. Ну, что с Кабаном из-за неё подрался. Спрятавшись за колонной в коридоре, я ждал, когда Вероника Дамировна выйдет из кабинета. Волновался жутко. Даже вспотел как на физ-

ре. Однако вскоре услышал шаги, и как скрипнула дверь. Я выглянул из-за своего укрытия, но почему-то никого не увидел. Тогда, тихонько подкравшись, заглянул в чуть приоткрытую дверь кабинета.

Вероничка стояла у окна и смотрела во двор школы. Выглядела она очень измученной и удручённой. И, как мне показалось, заплаканной. На углу её учительского стола сидел какой-то белобрысый тип с букетом белых цветов

(я забыл как они называются)

в руках. Разговаривали они вполголоса, и мне так толком и не удалось услышать, о чём, хотя я изворачивался как мог. Сначала этот тип – весь такой из себя важный, сразу видно, что богатенький – вёл себя вполне спокойно, пару раз даже падал на одно колено и пытался целовать руки Веронички. Но она почти не говорила с ним, стараясь делать вид, что происходящее за окном ей гораздо интереснее. Потом он стал нервничать, расхаживал у доски точно павлин, то и дело тряся букетом перед собой. И орал на неё как сумасшедший. Что-то типа «делай о борт» или «делай об борт». А она молчала. Повернулась к нему спиной и молчала. Попрыгал он по классу ещё немного, вытащил из кармана пачку «бежевых ильичей», бросил на стол и вдруг побежал к выходу. Я еле успел отскочить. Всё произошло так быстро, что я полюбому не успел бы спрятаться. Но он не заметил меня, побежал как ошпаренный, бросил букет в урну и был таков. Дверь осталась открытой. Я осторожно заглянул в класс. Ве-

роничка всё так же стояла у окна и еле слышно всхлипывала. В этот момент моё сердце сжалось с такой силой, что в груди стало невыносимо тяжело и тесно. Не мог я просто так смотреть, как она плачет. Не должна она вообще плакать. И не будет. Я вновь почувствовал растущую во мне ярость, как при махле с Кабаном. Кулаки непроизвольно сжались, губы задергались, и я, не сдержавшись, выпалил в открытый нараспашку кабинет:

– Я отомщу за вас, Вероника Дамировна! Слышите?! Отомщу!

Со всех ног я понёсся вниз по лестнице и выскочил во двор школы. Но опоздал. Белая «Волга», за рулём которой сидел тот самый белобрысый, уже выехала за ворота и поворачивала на улицу. Я с досады плюнул на асфальт. Вот тебе и отомстил, блин! Да и что, в принципе, я мог сделать? Ведь был всего лишь пятиклашкой. Мелюзгой, планктоном. Только я поклялся себе, что разыщу этого белобрысого и заставлю его так же плакать, как он – Вероничку. Тогда я ещё и не подозревал, что увижу его совсем скоро, при не очень приятных обстоятельствах. В это время что-то грохнуло, а затем зашелестело надо мной в воздухе. Я поднял голову и увидел самый настоящий дождь из денег. Долго догадываться не пришлось, откуда они взялись, ведь окна кабинета Веронички находились прямо над моей головой. Только подбирать я их не стал. Мама говорит, что лёгкие деньги не приносят счастья. Пускай лучше дворник дядя То-

ля порадуется.

Совершенно забыв про Кабана, его братца и вчерашний случай, я пошёл домой, всю дорогу придумывая план, как накажу белобрысого и заставлю его извиниться перед Вероникой Дамировной. Но ничего подходящего, и тем более разумного, так и не пришло в мою голову.

Вечером предки устроили мне небольшой праздник – купили торт и газировку. Всё-таки не каждый день их сын практически с отличием заканчивает 5 класс. Пока я за обе щеки уплетал кусок торта, они о чём-то пошептались, потом многозначительно улыбнулись и объявили:

– Сынок, через две недели ты едешь в пионерлагерь!

Я тогда чуть не подавился. От восторга, конечно. Целовал их полчаса, не меньше. Наконец-то моя мечта сбылась! В тот вечер мне ни о чём другом даже думать не хотелось, но перед сном всё же вспомнил о своей классной руководительнице и спросил у мамы, что значит «делать о борт».

– Ты где это услышал?

По её глазам и нахмуренным бровям я догадался, что зря задал этот вопрос. Пришлось соврать, мол, от кого-то из прохожих на улице. Мама меня обняла и сказала, что эти слова плохие и воспитанным мальчикам их произносить не следует. Пришлось пообещать. И зачем только спрашивал? Знал ведь, что всю правду не расскажет. Она же взрослая.

Когда пришло время лечь в постель, я долго ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть. Всё думал про

Вероничку и этого Белобрысого с букетом. И что она в нём нашла? Ничего, вот встречусь с ним один на один и поговорю по-мужски. А ещё я представлял, как приглашу Веронику Дамировну на свидание и подарю ей цветы. Нет, не белые. Никогда в жизни не подарю ей белые. Не должна она больше плакать. Никогда.

Две недели тянулись нескончаемо долго, будто специально кто-то постоянно переводил стрелки часов назад, оттягивая воплощение моей мечты. Всё это время я ходил как на иголках. По десять раз за день собирал сумку, потом вытряхивал из неё всё и начинал собирать заново. Никак не мог решить, что взять с собой. В итоге в последний день перед отъездом, пока я гулял на улице, мама собрала её за меня. Вечером я долго не мог уснуть, всё думал о лагере. О том, что я буду совершенно один, без родителей, почти целый месяц. Как там всё будет? Я не знал, и оттого было чуточку страшновато.

Рано утром предки повели меня на вокзал. Отец тащил мою сумку и ворчал, что она довольно тяжёлая, и что сыну, то есть мне, не донести её до корпуса. На что мама отвечала, что положила только самое необходимое. Конечно, про то, что половину сумки занимала еда, она умолчала. Когда мы пришли на вокзал, там уже стояла целая колонна жёлтых автобусов,

(я насчитал их шесть)

вокруг которой толпилась и гудела пчелиным роем куча

народа. В этом балагане было не разобрать, кто с кем прощается, кто смеётся, а кто ревёт. Протиснувшись вглубь толпы, мы довольно быстро нашли нужный нам автобус, на котором была нарисована огромная цифра 4, означающая номер отряда. Особых слёз и соплей не было. Разве что мама немножко не сдержалась. Она обняла меня так, что я чуть не задохнулся, и сказала, что каждые выходные будет меня навещать. Не отпускала долго и всё целовала в щёки, пока водитель не дал сигнал к отправке, и ребятня не повалила в автобус. Отец передал мне сумку, похлопал по плечу и наказал хорошо себя вести. Быстро попрощавшись, я вручил девушке-контролёрше в красной пилотке свою путёвку и сел на свободное место у окна, запихнув поклажу под сиденье. Хорошо, что я был в шортах и лёгкой белой рубашке, потому как в салоне было очень душно и жарко. Лишь пионерский галстук мешал и давил на шею. Шторок на окнах не было, и даже слабые утренние лучи солнца через стекло обжигали так, что я решил осмотреться в поисках другого места, где-нибудь в тени. К сожалению, все «козырные» были заняты. Только я собрался пересесть на соседнее сиденье, чтобы окончательно не зажариться, как вдруг меня опередила какая-то девчонка. Она чуть не опоздала и, запыхавшись, плюхнулась со всего размаху рядом со мной.

– Женька, – звонко выпалила она, широко улыбаясь.

– Серый, – недовольно проворчал я, щурясь от нещадно палившего солнца.

– Ты в какой отряд записан? А, да, в четвёртый! Ну, будем знакомы! – протараторила она, сама же и ответив на свой вопрос.

Она была рыжая. Точнее, огненно-рыжая. Непоседливая и смешная. Вся в конопушках. Мне даже показалось, что её белая блузка, синяя юбка и галстук были в этих конопушках. Пока мы стояли, она раз сто, наверное, подскочила и помахала своим предкам. Я даже хотел было уступить ей ненавистное мне место у окна, но не стал. Она же девчонка всё-таки.

Через пару минут, наконец, поехали. Родители, и без того беспрестанно махавшие руками на прощание, стали делать это ещё яростнее, будто хотели взлететь и отправиться вслед за автобусом по воздуху. Я тоже помахал им, насколько хватило угла обзора из моего окна. Ехали мы медленно, но скучать нам не давала та самая девушка в красной пилотке, которой я отдал свою путёвку. Она была некрасивая, в смешных роговых очках, через которые её глаза казались больше, чем были на самом деле. Сначала она устроила переключку, потом рассказывала нам о том, как мы будем жить в лагере. Только я всё прослушал. Женька тараторила рядом. Я иногда кивал, чтобы она не подумала, что я её не слушаю. Этому я ещё давно у отца научился! В итоге, как ни старался понять Красную Пилотку и Женьку одновременно, так ничего и не понял. Одно хорошо – болтали они обе недолго. Мы выехали за город, и ребята затянули «Песенку друзей» из «Бременских музыкантов», «Мы едем, едем,

едем в далёкие края...» и другие. Стало веселее. И жарче. В общем, не знаю, как я вытерпел, но где-то через пару часов мы свернули с трассы и въехали в лес. Трясло очень сильно, и пыль плотной завесой окутала автобус, зато здесь было гораздо прохладнее.

Совсем скоро мы оказались на территории лагеря. Перед нами какой-то старик открыл железные ворота, над которыми была закреплена вывеска с надписью «Алые паруса» и корабль, выкрашенный в бледно-розовый цвет. Проехав ещё немного, мы остановились на огромной поляне. Там уже стояло несколько таких же жёлтых «гробов»,

(как их называет отец)

ребятня из которых давно высыпала на свежий воздух. Но завидовал я им сравнительно недолго. Вскоре двери открылись, и Красная Пилотка выскочила первой, выпуская всех по одному, наверное, чтобы ещё раз пересчитать. Я вышел следом за Женькой, даже помог ей немного с багажом, хотя она и была против.

Вы не представляете, как после этой «железной духовки» было здорово оказаться на улице. Я бросил свою сумку на землю, глубоко вдохнул ароматы хвойного леса и чуть не потерял от радости сознание. Женька пошла по тропинке за Красной Пилоткой, которая должна была проводить нас до самого корпуса. А я задержался. Хотелось насладиться первыми минутами пребывания в лагере. Я ещё раз набрал полные лёгкие. Даже глаза прищурил от удовольствия! Как

вдруг кто-то сильно толкнул меня в спину, так что я не успел удержать равновесие и больно упал на валявшиеся повсюду под ногами шишки.

– Слышь ты, дистрофан, тебе привет от братухи моего, – раздался где-то надо мной хриплый гнусавый голос, какой может быть только у боксёра.

И тут я понял, что Кабан мне всё-таки отомстил.

Женька

Я часто думал о том, почему мир так несправедлив ко мне. Почему одним всё и всегда сходит с рук, а другим приходится отвечать за чужие поступки, как за свои собственные. Думал и не мог найти ответа. Год назад я лечился в санатории при заводе, на котором работает мой отец. Как-то раз после ужина я пошёл в игровую комнату и увидел там такую картину: «Крыса», она же Марина Эдуардовна – старшая по этажу – для чего-то собрала всех парней и поставила их в линейку.

– Кто это сделал? Я ещё раз спрашиваю, кто из вас, поганцы, это сделал? – орала она на них и пальцем показывала на пол.

Сначала я не понял, о чём идет речь, лишь почувствовал, что чем-то воняет. А потом заметил в углу у дивана кучу говна.

– А ты чего там встал? – вдруг повернувшись в мою сторону, прокаркала она. – Ну-ка вставай со всеми в ряд и побыстрее.

Я встал вместе со всеми. Она подошла ко мне поближе и уставилась на меня своими глазищами. От неё несло перегаром, как от моего дяди, когда он приходил к нам домой, чтобы попросить у отца в долг. Но самым неприятным в этой ситуации было не это. Её глаза будто имели когти, вцепились

в меня и не отпускали.

– Скажи-ка мне, не ты ли это сделал, а? – с язвительной ухмылкой отрывисто произнесла она.

Я помотал головой.

– А почему же тогда пришёл позже всех, позволь узнать?

– Ужинал, Марина Эдуардовна.

– Вы только посмотрите на него! Ужинал он, видите ли!

Посмотрите-ка на него!

Она как-то криво ухмыльнулась и сдвинула брови, так что они стали похожи на английскую букву V.

– А может, ты сделал эту гадость до ужина? Что на это скажешь?

– Да это не моё! Я же только что пришёл.

– Ага, знаю я вас. За дуру меня принимаешь? Знаю я вас!

– Ну честное слово, это не я! Честное пионерское!

– Что?! Да как ты смеешь! – Её лицо побагровело от злости. – Такие как ты вообще недостойны носить гордое звание «пионер»!

И тут её понесло. Уж не знаю, чем я ей не угодил, но только досталось мне, по-моему, за все прегрешения человеческие. Её глаза ещё крепче вцепились в меня своими длинными зеленовато-пепельными когтями, и как я ни старался отвести от них взгляд, они были ко мне беспощадны. Будто съедали заживо. В общем, не вытерпел я и заплакал. А «Крыса» почему-то подумала, что, мол, раз я слезу пустил, значит, виноват на 100%. И пришлось мне убирать эту смердящую

кучу за того, кто это сделал. С тех пор в моём мозгу устойчиво укоренилась одна простая формула: «Заревел – пиши пропало».

На ковре из иголок и шишек было не очень удобно, но я лежал, не двигаясь, и повторял как заклинание эту формулу, не известную, наверное, ни одному математику мира.

– Ты труп, ботан. Сегодня вечером жди в гости, я тебя лично так распишу, что родная мать не узнает! – где-то надо мной снова раздался гнусавый голос.

Я замер, чуть дыша, но он прошёл мимо и меня не тронул. Только сумку пнул со всего маха, так что в ней что-то громко звякнуло и, похоже, разбилось. Видимо, не хотел связываться, когда вокруг столько свидетелей. И всё же своеобразную «чёрную метку» он мне вручил. А значит, вечером мне уже так легко не отделаться. Я поднялся, кое-как отряхнулся и осмотрел свою поклажу.

– Вот блин, – невольно вырвалось у меня.

Домашнее клубничное варенье из разбитой братом Кабана банки растеклось по вещам, не задев лишь
(к счастью!)

пару сменных трусов. Придётся срочно где-то всё перестирать, ведь завтра должна быть большая торжественная линейка. Ну не идти же мне на неё в одних трусах и галстуке!

Вытащив и распахав по карманам оставшуюся чистой одежду, потея и кряхтя, с сумкой наперевес, я потащился по тропинке вглубь лагеря, в поисках своего корпуса. Нашёл

дорогу быстро. Такие же, запоздавшие, помогли. К тому же все корпуса были пронумерованы. Мой находился у самого края лагеря. Сразу за ним был высокий плетёный железный забор, конца и края которому в обе стороны не было видно. Само здание казалось довольно ветхим. Это чувствовалось во всём – от гнилой лестницы при входе, разъеденной короедами, до выцветшей со временем зелёной краски, которой были окрашены веранда и стены. Я поднялся по ступенькам, осторожно поставил «сладкую» сумку на пол и постучал в дверь с полустёртой надписью «Вожатые». Сначала мне никто не открывал, но после третьего стука дверь неожиданно отворилась, и я увидел... Вероничку. Я просто обалдел, честное слово. Выглядела она как-то по-другому, не как в школе. Её роскошные каштановые волосы, всегда забранные в пучок, были распущены. И платьице – в полоску, полетнему лёгкое – совсем было не похоже на скучное и «похоронное», которое она носила во время уроков.

– Серёжа, здравствуй! А ты что здесь делаешь? – опередила она меня с вопросом.

– Здравствуйте, Вероника Дамировна, я по путёвке приехал. Отдыхать. А вы?

– Хорошо тебе, я за тебя рада. А я вот работать приехала, Серёжа. Воспитателем. Меня за четвёртым отрядом закрепили. Ты случайно не в четвёртом отряде?

– Да, я просто немного опоздал. А вы прямо до конца смены будете?

– Ещё как! Я вообще на всё лето сюда. Здесь так здорово!

– Ага, здорово.

Её улыбка была настолько заразительной, а в глазах читался такой неопиcуемый восторг, что я невольно тоже улыбнулся во весь рот. Такой счастливой я её никогда не видел. Но стоять и болтать с ней сейчас было некогда, хоть и очень хотелось. Нужно было занять какую-нибудь койку, осмотреться и срочно постирать одежду.

– Пойдём, я покажу тебе твою комнату! – будто прочитала мои мысли Вероничка и чуть ли не вприпрыжку пошла вдоль веранды, так что доски под её ногами жалобно запели.

Я поднял сумку и поспешил за ней, стараясь не отставать.

– Вот здесь ты будешь спать, – указала она на кровать у окна, когда мы вошли в комнату в самом конце коридора.

– А почему именно здесь?

– Ну, к сожалению, Серёжа, ты пришёл самый последний, и все ребята уже выбрали себе места. Видишь, на кроватях уже лежат чьи-то вещи, значит, они заняты. Кстати (она взглянула на часы), сейчас все новоприбывшие с моей напарницей Зиной пошли на экскурсию по лагерю, они должны прийти где-то через час. Как вернутся, можешь попробовать с кем-нибудь поменяться койками.

– Ладно, у окна так у окна, – согласился я.

– Хорошо, давай располагайся, а я продолжу готовиться к завтрашней линейке. Если что, стучи. Кстати, можешь потом погулять немного, только далеко не уходи. Через два ча-

са уже пойдём обедать.

Она легонько взъерошила мои волосы, так что у меня мурашки побежали по всему телу, и ушла. Я внимательно осмотрелся. Тумбочек было восемь. Кроватей столько же. Повсюду валялись чьи-то вещи, хозяева которых, по-видимому, покинули комнату в спешке. Телевизора здесь не было. Наверное, оно и к лучшему. Всё равно ничего интересного по нему не показывали. Ну, может, только тётю Валу да «В мире животных». Я вытащил из карманов чистые трусы и запихнул их под матрац. Открыл сумку, достал несколько пирожков с яйцом и луком, щедро политых сверху клубничным вареньем, с аппетитом их съел, а остальные продукты убрал в тумбочку. В ней было темно и прохладно, так что до вечера не должно было всё испортиться, несмотря на ощутимо подымающуюся жару в это раннее время суток. Теперь сумка заметно стала легче, а значит, пора было найти место для большой стирки. Лагерь я ещё не успел толком изучить, а потому решил спросить совета у Вероники.

Когда я вышел на веранду, то увидел, как какой-то мужик в чёрной жилетке и джинсах

(в такую-то жару!)

вышел из комнаты Вероники Дамировны и пошёл по тропинке к грязно-серому зданию с надписью «Клуб», которое находилось неподалёку. У него были пепельного цвета волосы ниже плеч, за что я сразу мысленно окрестил его Седоватым.

Неслышно подкравшись к двери вожатых, я прислушался. Вроде бы никто не плакал. Это хорошо. Я постучал. На этот раз она открыла быстро.

– А! Это ты. Что-то случилось?

– Нет, просто у меня разбилась банка с вареньем и надо постирать вещи. А я не знаю где.

– Ох, Серёжа, дай-ка подумать... Вообще в бане, конечно, можно, только она пока не работает. Может, на колонке у медпункта? Знаешь, как туда пройти?

– Не-а, не знаю.

– Видишь вон ту тропинку, за беседкой? Иди по ней прямо, не сворачивая, до столовой. Потом поверни налево, там будет летняя сцена для выступлений, а чуть подальше – баня. Так вот, тебе нужно у бани направо повернуть, и вскоре увидишь медпункт. Там крест красный нарисован. А колонка прямо за ним. Запомнил?

– Вроде да. Спасибо!

– Не за что, Серёжа. Не забудь, что полвторого обед.

– Хорошо, Вероника Дамировна, успею!

Захватив хозяйственное мыло, я отправился искать колонку. Нашёл-то её легко, вот только вода оттуда текла настолько ледяная, что чуть не отморозил себе пальцы рук. В общем, вещи все перестирал,

(про сумку тоже, кстати, не забыл)

но теперь нужно было всё это где-то развесить. И тут я вспомнил, что проходя мимо бани, видел верёвку, натяну-

тую между двух сосен. Мои детские часы с корабликом показывали 12:34. А значит, у меня ещё было время немного посушить одежду, тем более что солнце с раннего утра нещадно палило и день обещал быть очень жарким. Я развесил бельё, нацепил сумку на сучок и сел рядом на пень, который по счастливой случайности находился в тени. И тут вновь заметил того странного типа в джинсах. Он вышел из медпункта и пошёл в мою сторону. По его слегка покачивающейся походке, я догадался, какое лекарство он принял с самого утра. Поравнявшись со мной, он резко остановился. А затем спросил сиплым и сильно прокуренным голосом:

– Что, малец, не успел от мамкиной сиськи оторваться, и сразу обосрался?

Я промолчал.

– Чо не разговорчивый такой? Говорю, обосрался, что ли?

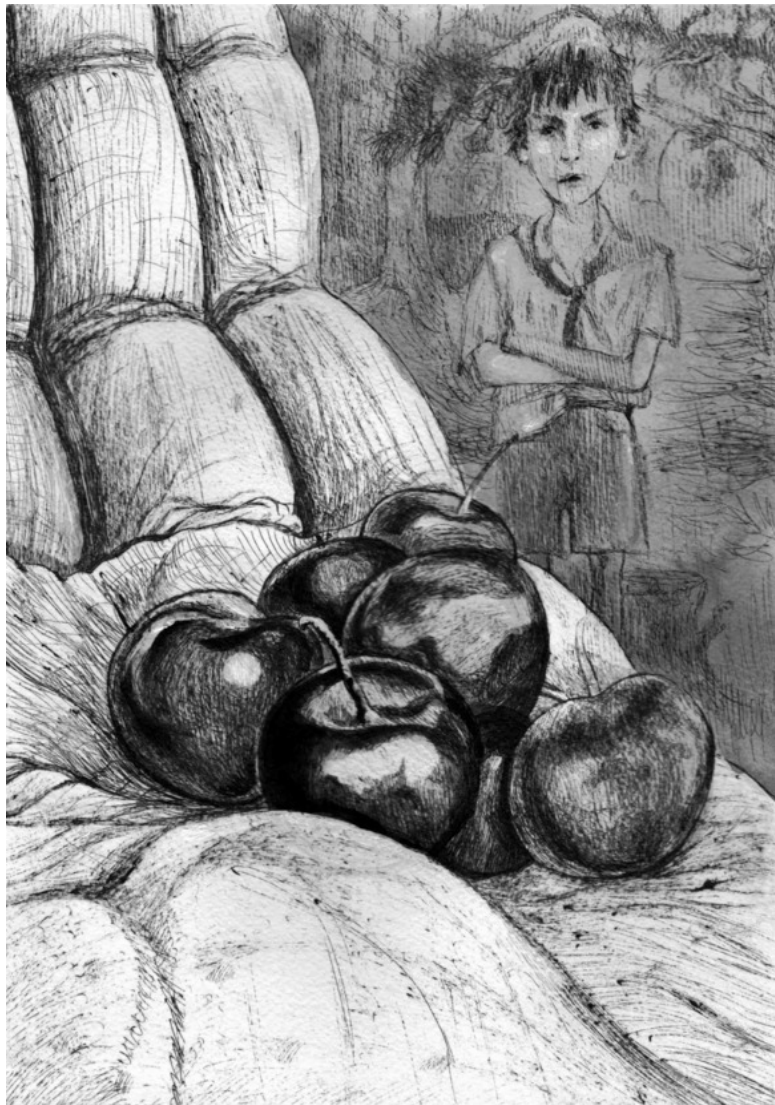
– Вы зачем к Веронике Дамировне ходите? – получил он в ответ.

– Чего?

– Я говорю, вы зачем к Веронике Дамировне ходите? У неё муж есть! – соврал я.

– А-а-а, ты про новенькую... Ничего, фигуристая такая. Чо, тоже на неё запал, да?

Я опустил глаза и покраснел.

– У-у-у-ха-ха! Точняк, запал. Ну, даёшь, малец! Ты хоть знаешь, дурачелло, что с бабами-то делать нужно?

– Ну, любить их, наверное.

Он рассмеялся.

– Дурачелло, их не любить нужно, а мять. Да чо я тебе объясняю... Подрастёшь – сам поймёшь. Кстати, вишни хочешь?

– Нет, спасибо.

– Да ты попробуй, она не простая, а пьяная, – произнёс он и протянул мне на ладони несколько ягод.

– Ладно, – сказал я, взял одну ягоду в рот и тут же выплюнул.

Вишня с виду была красивая, но вкус у неё был довольно непонятный, какой-то кисло-сладкий, с горчинкой.

– Тьфу, какая гадость, – подытожил я.

– Согласен, своеобразная ягода. Но однажды попробовав её, больше никакую другую уже не захочешь. Поверь мне, я знаю, что говорю.

– А за что её любят-то?

– Наверное, за непредсказуемый эффект, когда съедают много. В этом смысле пьяная вишня похожа на женщину. Только тебе всё равно этого пока не уразуметь. Говорю же, подрастёшь – сам поймёшь. А сейчас бывай, некогда мне тут с тобой лясы точить!

С этими словами он продолжил свой тернистый путь

в сторону клуба. Я же остался наедине со своими мыслями и всё думал, почему бабам, ну, в смысле, женщинам, это так нужно, чтобы их мяли. Ведь это же, наверное, больно. Так и не найдя на это ответа, я решил, что при первой же возможности спрошу об этом у Женьки. Она же всё-таки женщина, хоть и маленькая.

Толком высушить до конца бельё я, к сожалению, не успел. Нужно было вернуться в корпус до обеда. Собрав в охапку полусырые вещи, я почесал на всех парах. К этому времени все ребята уже вернулись с экскурсии по лагерю, и их муравьиная суета была видна и слышна издали. Добравшись до пункта своего назначения и ступив на крыльцо, я еле успел отскочить в сторону. Гурьба пацанов и девчонок высыпала на улицу для построения. За ними спокойно шла Вероничка и твёрдым уверенным голосом раздавала команды налево и направо.

– Ребята, построитесь в шеренгу по два. Ваня, будешь первым в строю, давай дуй в начало. Машенька, а ты почему без сандалий? Потеряла? Ничего, сейчас найдём! Так, кто там за сосной спрятался? Я всё вижу! А, Серёжа, вижу, ты колонку нашёл, давай быстрее вставай в строй, а то мы на обед опоздаем.

– Сейчас, Вероника Дамировна, я мигом!

В это же время на улицу высыпала вторая часть отряда, во главе которого была «Красная Пилотка» Зина. Было видно, что с детьми она не ладила, потому что её никто не слу-

шался. Среди всего этого ералаша я мельком увидел Женьку. Она стояла у беседки и помогала какой-то девочке заплетать косички. Делала она это с таким серьёзным и умным видом, поджав губы, будто не волосы перебирала, а двигатель. И тут я поймал себя на мысли, что мне почему-то нравится смотреть в её сторону. Но особого значения тогда этому не придавал. В общем, я быстро сбегал в комнату, повесил одежду на спинку кровати, сумку бросил в угол и побежал догонять колонну, которая, распевая «Солнечный круг», шагала в ногу по тропинке к столовой. Пристроился в конец шеренги к замыкающему, которого звали Толик. И с тех пор зарёкся опаздывать на построение. Всю дорогу он шёпотом мне на ухо рассказывал пошлые анекдоты про поручика Ржевского, успевая при этом иногда выкрикивать слова песни. Причём иногда путал, куда кричать песню, а куда загонять анекдоты.

На обед давали харчо, гречку с котлетой и компот. Я сел рядом с пацанами из третьего отряда, поскольку с Толиком садиться мне рядом не хотелось, а остальные места были уже заняты. Вероника Дамировна ходила между столами и желала всем приятного аппетита. Наш отряд ел спокойно, чего не скажешь о третьем. Они галдели как сороки и кидались яблоками из компота. В итоге их обещали лишить ужина. Из-за них чуть и меня не лишили. Больше я с ними ни за какие коврижки не сяду!

После обеда полагался «тихий час», а потом свободное

время. Мы расправили кровати и легли, однако отдыхать вообще не собирались. В сончас вообще никто и никогда не спал, все лишь притворялись. Но Вероничка нас постоянно контролировала, и поэтому мы с пацанами разговаривали шёпотом. Напротив меня, у окна, лежал Генка по прозвищу Шах, белобрысый такой парень, в заклеенных клейкой лентой очках на месте переносицы. По его словам, он был чемпионом города среди юниоров по шахматам. Справа лежали два кудрявых и круглолицых брата-близнеца – Жора и Сеня. Не знаю, как их только мама различает. Они были самыми непоседливыми из всех, так и норовили куда-нибудь залезть и нашкодить. Именно они в первую очередь проверили все шпингалеты в комнате. Окна оказались закрытыми накрепко. Дверь же была не заперта, только Вероника Дамировна сидела на стуле на веранде и читала какую-то книгу, так что через неё незамеченным не пройдёшь. У самой двери лежал Васька, которого все называли Бомж, на что он почему-то не был в обиде. Он был самый смуглый из всех. Но вовсе не потому, что у его предков были африканские корни. Просто большую часть своей жизни, по его словам, он провёл на улице. Родители у него постоянно пили, и он был предоставлен самому себе. В лагерь Васька попал случайно. Директриса школы, в которой он учился, пожалела его, с кем-то там договорилась, и его взяли на всё лето. Везёт же некоторым! Ещё в комнате были Эдик,

(кликуху которого называть не буду)

Димка Фофан и Сашка Рыба. Последнему такое прозвище досталось вовсе не потому, что он умел лучше всех плавать или любил кушать рыбу. Просто у него глаза были далеко посажены, и он постоянно молчал, а когда хотел что-то сказать, широко открывал рот и некоторое время беззвучно им двигал. Мне досталось самое козырное прозвище – Ленин. Видимо, потому что я хорошо учился и немного картавил. А может, и по какой другой причине, сейчас уже и не вспомнишь.

Весь «тихий час» мы болтали о всякой всячине. Договаривались, когда пойдём мазать зубной пастой ребят из соседнего корпуса. Спрашивали друг у друга, куда раньше ездили отдыхать и где работают родители. А ещё травили анекдоты, пукали и ржали, спрятав головы под подушки, чтобы Вероничке не было слышно. Мне было тяжело с пацанами поддерживать разговор. Пасты у меня не было,

(мама положила мне зубной порошок)

нигде я раньше не отдыхал, родители у меня были простыми рабочими на заводе,

(тут тоже особо не похвастаеть)

да и анекдотов я никаких не знал. А потому немного завидовал другим ребятам. Да и вообще болтать мне почему-то не очень хотелось. Я всё лежал и думал о Вероничке и Женьке. Одновременно. И никак не мог понять, почему они обе мне видятся. Нет, я, конечно, мог решить такой глобальный вопрос, как, например, кто круче – Супермен или Илья Му-

ромец. Но выбрать между Вероничкой и Женькой оказалось сложнее, чем я ожидал. Эта задача даже для меня – отличника по математике – казалась нерешаемой.

После сончасы мы с пацанами пошли на футбольное поле. Там были качели, на которых можно было крутить «солнышко». Бомж показал всем высший класс качельного пилотажа, остальные на такой подвиг не решились. Потом Жора и Сеня сказали, что знают, как пробраться за высокий железный забор, огораживающий всю территорию пионерлагеря. Мол, они видели, что он упирается в озеро, которое располагается совсем рядом.

(и когда они всё это успели?)

Правда, со временем озеро это чуть обмелело и забор можно обойти, пробравшись через гущу камыша. У них даже созрел план, как нам сбежать и отправиться на колхозное кукурузное поле, до которого, по их словам, рукой подать. Всего-то нужно было после обеда незаметно от Веронички и Красной Пилотки выскользнуть на улицу, спрятаться в кустах напротив столовой, а потом, когда все уйдут на сончас, потихоньку добраться до камышей и незаметно выйти за пределы лагеря. Потом пройти немного через лес, перебраться через железную дорогу и напрямик выйти к месту назначения.

– Ну, кто с нами? – в голос выкрикнули близнецы.

Большинство согласилось, что план просто отпад, и проголосовали «за». Сомневались только Эдик и Генка. Я то-

же поднял руку. Подумал, что нарву кукурузы для Вероники Дамировны и подарю ей. Вот она обрадуется! В общем, большинством голосов решили, что при первом же удобном случае воплотим этот гениальный замысел в жизнь.

Набегавшись вдоволь и накачавшись до тошноты на качелях, мы вернулись в корпус. Нужно было:

А) *обязательно* записаться в библиотеку или кружок,

Б) *обязательно* приготовить одежду к завтрашней торжественной линейке,

В) *обязательно* пополдничать и поужинать,

Г) и ещё успеть погулять, пока не стемнело.

Пацаны с лёгкостью пропустили первые два пункта, немного задержались на третьем, а потом сразу перешли к четвёртому. Конечно, потом их за это наказали – объявили им «конфетную голодовку». Я же попросил у Вероники Дамировны утюг, сам погладил рубашку, шорты и галстук. Потом сходил в клуб, записался в библиотеку. Взял Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» и прочитал несколько страниц. Нет, книга была интересная, даже кое-где с картинками, но читать я не мог. Меня одолевало какое-то нехорошее предчувствие. Что-то, о чём я с лёгкостью забыл, но с таким трудом пытался вытащить из памяти. Лишь перед самым сном я вспомнил, что брат Кабана обещал меня навестить. Как избежать с ним встречи, я не знал, но сегодняшний план близнецов натолкнул меня на мысль, что побег из корпуса – не самый плохой вариант. По крайней мере, когда все уснут, про-

браться сюда ничего не стоит. А вдруг он запихнёт мне в рот свои вонючие носки, и я умру от вони? Или зубной пастой намажет веки, и я после этого ослепну? Всё это могло бы случиться, ведь в школе я слышал, как старшаки рассказывали подобные страшилки про лагерь. А они врать не будут – комсомольцы всё-таки.

Ночью, когда все уснули, я потихоньку открыл дверь и выглянул в коридор. Никого не было. Вероничка наверняка ушла спать. Нужно было поторапливаться. Брат Кабана мог прийти в любую минуту. Я осторожно оделся и на цыпочках вышел на веранду, тихонько прикрыв за собой дверь. Стараюсь не скрипеть, пробрался к лестнице, где в ящичках хранилась обувь всех ребят в корпусе. Только надел свои сандалеты и хотел рвануть к беседке, за которой можно было спрятаться, как неожиданно дверь рядом с комнатой вожатых со скрипом начала открываться. Я замер и чуть не вскрикнул от страха. Из темноты показалась рыжая косичка, а вслед за ней на веранду вышла её хозяйка – Женька. Увидев меня, она тоже чуть не вскрикнула, но я вовремя успел заткнуть ей рот ладонью.

– Тссссс, не разбуди вожатых, – прошептал я, склонившись к её уху. – Иди за мной.

Она кивнула, молча надела сандалии и пошла следом. Я взял её за руку, и мы вместе, как два привидения, направились к беседке.

– Ты куда собралась в такой час? – спросил я у Женьки,

когда мы присели на корточки за беседкой.

– Погулять вышла. В комнате жарко и душно, окна не открываются, дверь тоже не откроешь – комары налетят. А ты?

– И я так же, – соврал я. – Слушай, пойдем, тебе место одно покажу. Там красиво...

– Пошли, – согласилась Женька.

Конечно, насчёт красивого места я ей тоже соврал, просто так ляпнул, не подумав, а всё потому, что хотел уйти подальше от корпуса. Здесь брат Кабана мог нас услышать. Может, он прямо сейчас уже идёт отомстить мне за своего родственничка. Но Женьке же всё это не объяснишь! Так что, шагая по протоптанной тропинке в сторону столовой, я лихорадочно старался придумать, куда бы мне её отвести. Проходя мимо третьего корпуса, нам почудилось, что где-то неподалёку хрустнула ветка. Мы остановились и прислушались. В это время Женька снова взяла меня за руку. Крепко так вцепилась. Её ладони были холодные и влажные. Я чувствовал, как она дрожит всем телом, хотя погода была тёплая.

– Не бойся, здесь недалеко, – попытался я успокоить Женьку.

Ночь была лунная, но большая часть лагеря находилась в сосновом бору, и мощные мохнатые кроны сосен практически не пропускали свет вниз, так что на землю попадала лишь лёгкая серебряная паутина, практически невидимая глазу. Наверняка Женька боялась темноты, поэтому я решил вывести её на открытую местность, а лучше места, чем фут-

больное поле, для этого просто не найти. Рядом с ним была полянка, поросшая клевером и ещё какой-то короткой зелёной травкой. В свете луны она казалась волшебной, неземной. Небо было сплошь усыпано звёздами, и мы присели на полянку, задрав головы вверх. В это время, видимо, испуганные нашим появлением, с поляны, как с космодрома, неожиданно взлетели светляки, похожие на инопланетную армаду. Будто маленькие звёздочки они парили в воздухе, подмигивая нам.

– Офигеть, как красиво! – восхищённо вскрикнула Женька, упав спиной на траву.

Я последовал её примеру.

Мы взяли за руки и смотрели вверх, на небо, усеянное мириадами звезд и светляков. Было такое чувство, что все созвездия будто бы ожили и только нам показывали никем до этого не виданное представление. Было здорово вот так просто лежать на траве, чувствовать еле ощутимое дыхание летнего ветерка и смотреть вверх, держа в своей руке мягкую и уже совсем тёплую ладонь Женьки. Мне вдруг стало так спокойно и хорошо, что я закрыл глаза и почувствовал, что падаю в бездну.

– Серёжа, ты спишь, что ли? – раздался голос Женьки сквозь пелену звёздной пыли.

– Нет, просто глаза закрыл. А что?

– Да я хотела у тебя спросить кое-что.

– Ну, спрашивай.

(неловкая пауза)

– Серёж... А я тебе... нравлюсь?

Я замешкался и не сразу нашёлся что сказать.

– Жень, конечно, нравишься, чего спрашивать-то.

– А Вероника Дамировна? – не унималась она.

– А... чего ты про неё... ну...

(откуда она про неё знает?)

вспомнила, а?

– Да я сегодня видела, как ты на неё смотрел во время полдника. Прямо глаз не спускал.

– Тебе показалось! Жень, ты чо? Совсем?

(я покрутил пальцем у виска)

– Ой, не надо отнекиваться, я уже взрослая и всё понимаю. Только пойми, дурачок, тебе нужна такая женщина как я. А Вероника Дамировна слишком стара для тебя.

– Больно ты понимаешь, дурёха, – вспылил я. – Тоже мне женщина нашлась!

– Да побольше тебя понимаю, вот!

Женька надулась как мышь на крупу, скорчила недовольную рожицу и демонстративно отвернулась, будто не хотела разговаривать.

– Жень, да ладно тебе дуться. Я просто всякую чепуху болтаю, – попытался я успокоить её и легонько похлопал по плечу.

– Нет, Серёжечка, вовсе это не чепуха, – с грустью в голосе заявила она и повернулась ко мне лицом. – Ты ведь любишь её, правда?

В её глазах стояли слёзы – того и гляди разревётся. Нужно было что-то говорить, причём срочно. Но, как назло, все слова застряли в горле, будто ком жвачки. В это время она

так пристально посмотрела на меня, что я был готов сквозь землю провалиться.

– А-аткуда ты знаешь? – непроизвольно начал заикаться я.

– Просто знаю, вот и всё.

Вдруг где-то неподалёку вновь хрустнула ветка.

Но мы пропустили этот звук мимо ушей. Лежали и смотрели друг на друга, каждый погружённый в свои собственные мысли и чувства. Я, правда, не знал, что ей на всё это ответить. Да Женька, похоже, и не ждала какого-то определённого ответа. Тем более, что

(я уже взрослая и всё понимаю)

она всё понимала.

Снова хрустнула ветка, уже совсем близко.

– Знаешь, обычно на меня никто из мальчиков не обращает внимания. Да и подруг у меня тоже нет. Не знаю, почему. Бабушка говорит, что я нелюдимка. Мама – что слишком много болтаю. А папа вообще всё время занят и почти со мной не разговаривает.

– Знакомая история.

– Правда?

Она посмотрела на меня так, будто впервые увидела.

– А ты... не такой как другие. Умеешь слушать, никуда не убегаешь. И мне с тобой очень хорошо. Спасибо тебе, Серёжа.

– За что?

– За то, что вытащил меня сюда. Здесь правда очень здо-

рово и красиво. Спасибо! А про разговор этот забудь. А то поссоримся!

– Да не за что! Только...

Закончить я не успел. Из-за ближайшей к нам сосны вышел брат Кабана, с гадкой такой ухмылкой на лице, напоминающей звериный оскал.

– Ну, привет, ботан. Вот мы снова и встретились, как я и обещал, – прогнусавил он. – Вижу, ты и тёлку свою с собой привёл. Это хорошо, веселее будет... втроём.

И он заржал как конь.

Мы с Женькой оцепенели. Бежать от этой почти 100-килограммовой груды мышц было бесполезно. Да и куда мы денемся – не сегодня, так завтра найдёт. Но другого выхода не было.

– Вставай, только медленно, – шепнул я ей на ухо. – И приготовься бежать.

Всё ещё держась за руки, мы начали медленно вставать, пока брат Кабана шёл к нам неуклюжей походкой. В лунном свете его лицо казалось безобразнее, чем обычно, а торс и плечи – больше и мощнее. Но двигался он медленно, как медведь после зимней спячки. А значит, шанс сбежать всё же был.

– Послушай, она тебе ничего не сделала,пусти её.

– Ещё чего, – пробурчал он, – стойте, где стоите, иначе хуже будет.

– Не бойся, – прошептал я Женьке, – у меня есть план.

Она дрожала всем телом, но руку мою не отпускала, держала крепко. Когда брат Кабана был от нас уже всего в двух или трёх шагах, я сделал удивлённое лицо и сместил свой взгляд чуть левее.

– Вероника Дамировна?! А мы тут ничего такого не делаем, просто гуляем! – выпалил я.

Брат Кабана резко остановился и повернулся в ту сторону, куда я смотрел.

– Побежали! – сказал я Женьке, и мы бросились наутёк.

Через футбольное поле. Направо? Нет, налево. Мимо качелей, где после сончасы крутили «солнышко». По полю, где трава по пояс. Пригнуться? Лечь на землю? Может, в траве не найдёт? Нет, найдёт. Женька оттягивает назад. Не брошу. Всё равно не брошу. Видно плохо. Не знаю куда бежать. Уфффф! Запыхался!

Луна скрылась за тучей, и стало гораздо темнее. Мы почти добежали до края лагеря. Невдалеке уже виднелся забор, через который можно, конечно, было попробовать перелезть. Вот если бы не Женька! Хотя он слишком высокий, да и зацепиться не за что. Нет, не подойдёт. Что же такое придумать? Мысли лихорадочно порхали в голове, словно ночные мотыльки возле лампочки. Брат Кабана нас догонял, я уже слышал его тяжёлое пыхтение. Нужно было бежать в сторону корпусов, может, кто-нибудь из взрослых встретится по дороге. Но лагерь был в противоположном направлении, а в поле абсолютно негде было спрятаться. Оставалось тупо ждать

свою верную смерть. И мы остановились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.